

При первом же знакомстве с Михаилом Аркадьевичем Бароном осенью 1958 г. я сразу ощутил его принадлежность к истинной научной элите. В облике учёного ощущались высокая культура, глубокий ум, скромность и уважение к собеседнику. Интеллигентное, аскетичное лицо с очками, увеличивающими внимательные глаза, и небольшими усиками, шевелившимися в такт завораживающей своей красотой и темброречи, притягивало взгляд.

Златоуст

Михаил Барон был златоустом. Его выступления всегда захватывали аудиторию и запоминались до деталей. Чувствовалось, что Михаил Аркадьевич к ним тщательно готовился, репетировал, я полагаю, перед зеркалом, добиваясь той чёткости, того темпа и той исключительной ударной и интонационной ритмики каждой фразы, которая и есть ораторское искусство. Оно у Михаила Аркадьевича было наполнено глубоким содержанием и всегда несло новые знания. Как он продумывал до мелочей иллюстрации к своим докладам! Талантливый педагог, Михаил Аркадьевич искал и всегда находил образные сравнения для своих научных открытий. Знания надо не только изложить, важно, чтобы их поняли и запомнили.

Я сам удивляюсь, но до сих пор – спустя более полувека – помню каждое слово Михаила Аркадьевича в его программном докладе на Всесоюзной конференции нейрохирургов в Доме Союзов в 1959 г. Он излагал открытые им строение и функции мягких мозговых оболочек с их системой субарахноидальных ячеек, ликвороносных каналов и стабилизирующих артерии струн. «Представьте себе корабль с распущенными парусами, только опрокинутый вверх дном. И вы увидите сплетенье ячеек, каналов и струн, подобно тому, как это обнаруживает в мягких мозговых оболочках их объёмное микротрахиоскопическое исследование». И перевёрнутый парусник появлялся на экране рядом с субарахноидальными ячейками и ликвороносными каналами мягких мозговых оболочек головного мозга.

Мой друг Коля Васин, профессор Николай Яковлевич Васин, учившийся у Михаила Аркадьевича в Первом Меде, а затем выполнивший в Институте нейрохирургии под его научным руководством кандидатскую диссертацию по строению кровеносной системы твёрдой мозговой оболочки, так рассказывал мне о своём учителе: «Ты не представляешь, каким событием была каждая лекция Михаила Аркадьевича. Казалось, гистология – довольно скучный предмет, но лекции Михаила Аркадьевича – всегда были событием для студентов, народу набивалось видимо-невидимо. Всё обставилось, как спектакль в театре. Ассистенты вносили наглядные пособия и огромные позолоченные часы с боем, извещавшие о начале и конце лекции. Я ничего не записывал, хотя говорил Михаил Аркадьевич исключительно дидактично, так хотелось наслаждаться звучанием его голоса, доносившего до нас гистологические истины».

Свершения и увольнение

Так вот такого блистательного учёного, педагога и лектора, члена-корреспондента АМН СССР в 1952 г. Министерство



Имена и судьбы

Страсти профессора

Вчера, 21 января, исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося учёного, основоположника стереоморфологии и функциональной нейростологии Михаила Барона

здравоохранения СССР (приказ № 296-л) освободило от заведования кафедрой «в связи с несоответствием занимаемой должности». А чуть раньше его уже уволили из Института нормальной и патологической морфологии АМН СССР. Его научные труды были подвергнуты критике и признаны методологически порочными. Выдающийся учёный в возрасте 48 лет становится безработным.

Парадокс, а точнее – трагедия ситуации становится особенно чудовищной, когда оглянешься на жизненный и научный путь Михаила Аркадьевича. Попробую воздержаться от эмоций и приводить только факты.

В 31 год Михаил Аркадьевич защищает докторскую диссертацию. Ещё задолго до этого, в 1931 г., он становится заведующим кафедрой гистологии 2-го Московского медицинского института, а через год из-за нехватки кадров его просят одновременно руководить аналогичной кафедрой в 3-м Московском медицинском институте. В 1933 г. М.Барона приглашают заведовать кафедрой гистологии в alma mater – в Первом Московском медицинском институте, где он стал деканом и заместителем директора. Учёный, не соответствующий по аттестации занимаемой должности, вёл сразу три кафедры гистологии. Мало того, он становится первым заместителем директора по науке Института нормальной и патологической морфологии АМН СССР, а также возглавляет там отдел гистологии и эмбриологии. И плюс ко всему, Михаил Аркадьевич руководит отделом морфологии в специальной лаборатории при мавзолее В.И.Ленина, где выполняет ряд закрытых работ и способствует сохранению тела вождя во время его эвакуации в 1941 г. в Тюмень. За научные достижения Михаила Аркадьевича награждают орденами и в 44 года избирают членом-корреспондентом АМН СССР. Его исследования обретают международную известность. В итоге, на 48-м году жизни его объявляют «не соответствующим» и отовсюду выгоняют.

Умирает Сталин, и гонения на учёных-евреев сворачиваются. Михаил Аркадьевич жаждет привычной исследовательской работы. Ему пытаются помочь коллеги. Академик АМН СССР

М.Скворцов добивается разрешения для члена-корреспондента АМН СССР М.Барона внештатно проводить научные изыскания в своей лаборатории в Институте педиатрии.

Директор Института нейрохирургии академик АМН СССР Борис Егоров решает проблему радикально – пробивая бюрократические заслоны, открывает в 1954 г. для Михаила Аркадьевича лабораторию экспериментальной нейростологии. А в итоге рождается новое направление в нейронауках – стереоморфология и функциональная нейростология.

Последние 20 лет своей жизни Михаил Аркадьевич проводит в Институте нейрохирургии. Здесь, в 1968 г., его выдвигают

кроме убийственного никотина (умер он из-за облитерирующего эндартериита) и, пожалуй, больше сигарет его отвлекала и увлекала страсть коллекционера. Я не знаю, почему он избрал предметом своего собирательства прикладное искусство Японии, Китая и Вьетнама. Но, увидев после смерти супругов Баронов их коллекцию в залах Московского музея искусств народов Востока, я был поражён её высочайшим уровнем и масштабами. Я не мог даже предположить возможности такого культурного (и не только культурного) богатства. Как удалось собрать такие сокровища XVII-XIX веков! Две профессорские зарплаты – мужа и жены – и страсть через

резорбтивной гидроцефалии, артериального спазма при разрыве мешотчатых аневризм. На экспериментальных исследованиях М.Барона основана клиническая практика их предупреждения и лечения. Монографии Михаила Аркадьевича по-прежнему востребованы и переиздаются. А созданная им научная школа продолжила дело своего учителя.

Мне представляется, что краткий очерк о Михаиле Аркадьевиче Бароне лучше всего завершить заключением из развёрнутого отзыва о его научных трудах от 24 декабря 1968 г. выдающегося невролога Самуила Блинкова:

«Можно с полным правом ут-

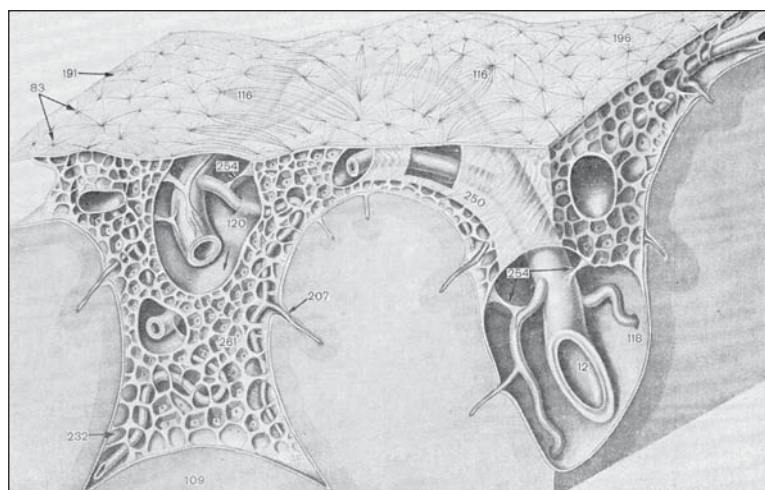
верждать, что работы М.Барона радикально изменили ту область науки, которая до недавнего времени казалась исчерпанной. Анатомия и гистология мозговых оболочек излагалась в наиболее авторитетных современных руководствах столь уверенно, что по отношению к ним у клиницистов не возникло особых вопросов.

Во всех своих ювелирно точных исследованиях, произведённых с помощью самых современных методов, М.Барон никогда не ограничивается определением морфологической структуры, но всегда с необыкновенной проницательностью, с помощью самых изощрённых экспериментов, раскрывает функциональное значение, биологическую сущность обнаруженных им новых гистологических фактов. Принимая во внимание роль, которую играют мозговые оболочки во всех патологических процессах, происходящих в мозгу, особенно опухолевых, травматических, сосудистых и воспалительных, следует признать огромное значение работ М.Барона не только для гистологии, но и для неврологии в широком понимании. Работы М.Барона поражают необыкновенно чёткой постановкой вопроса и необыкновенно тщательным выполнением. Добытые им многочисленные факты обладают стопроцентной убедительностью. Его иллюстрации благодаря своим исключительным качествам быстро переходят в учебники, его теоретические построения стройны, последовательны и перспективны. В лице М.Барона мы видим ведущего учёного нашей страны, пользующегося мировым признанием. Он обладает ценным для биолога качеством: в центре его внимания находится биология и патология человека».

Леонид ЛИХТЕРМАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ.

НИИ нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко.

НА СНИМКАХ: М.Барон; схема строения мягкой мозговой оболочки полушарий головного мозга человека, рис. В.И.Майорова.



в академики АМН СССР, но стойкие стереотипы препятствуют избранию. Люди, которые считали, что М.Барон «не соответствует занимаемой должности», а его пионерские исследования «методологически порочны», по-прежнему были «у руля», и истинный благородный учёный с мировым именем остался «с носом». Ну да это было уже не так важно после всего пережитого человеком, который начинал свою автобиографию сплошными отрицаниями: «Ни мои родители, ни родственники не были лишены избирательных прав, не подвергались репрессиям, не служили в войсках или учреждениях белых правительств, не оставались на временно оккупированной врагами территории».

Коллекционер

Курить только стал Михаил Аркадьевич намного больше. Но

Наследие

Михаил Аркадьевич оставил Отечеству, да и всему миру наследие ещё более ценное, чем его уникальная коллекция. Он создал учение о реактивных структурах внутренних оболочек – брюшины, плевры, перикарда, эндокарда, синовиальных, амниона, лептоменингеа, открыв благодаря своему оригинальному методу объёмного изучения – микротрахиоскопии, плёнчатых препаратам, полидиапазонной электронной микроскопии их строение и функциональное назначение.

Применительно к нейрохирургии и неврологии учёный раскрыл механизмы ликворциркуляции, метастазирования опухолей по оболочкам головного и спинного мозга, асептического менингита, рассасывания субарахноидального кровоизлияния, формирования